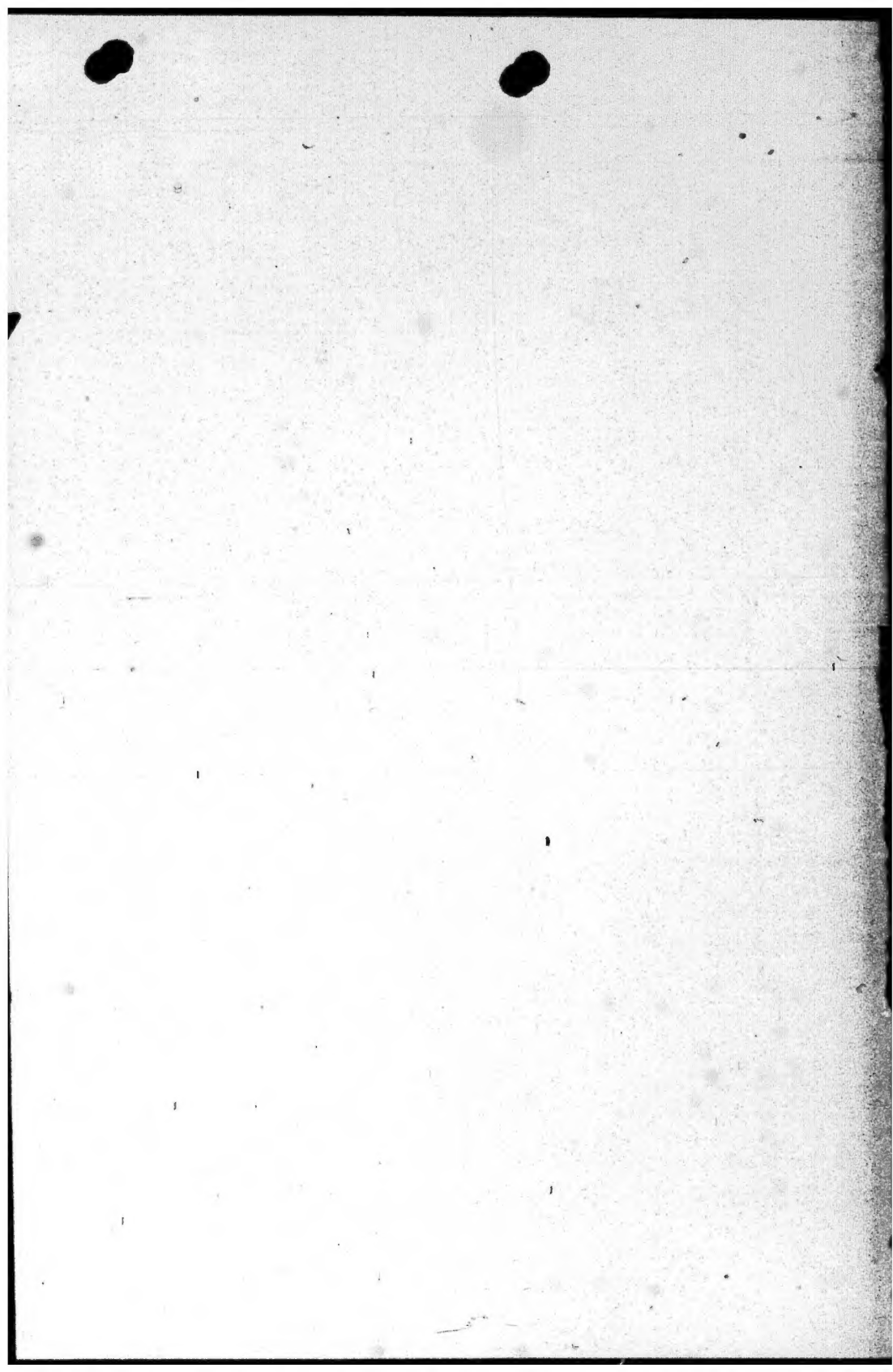

RECEIVED
OCT 29 1969
DIVISION

СИНДИКАЛИЗМ.

БЕЗПЛАТНО

—Издание А. К.—

БЕЗГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОММУНИЗМ И СИНДИКАЛИЗМ.

I

Пара слов о практическом, върѣ, пролетарском анархизмѣ, вообще.

Анархо-коммунизм, как идеал, обоснован, базируется, на воспитаніи сознанія и самостоятельности массъ.

Признавая это как свой основной принцип, безвластные коммунисты проповѣдуютъ социальную революцію; которую трудящіеся массы должны совершить сознательно и самостоятельно, снизу — вверх.

Отсюда мы должны прийти к логическому заключенію, что первая и главная задача безгосударственных коммунистов — пойти в массу и организовать послѣднюю для исполненія этой великой миссіи обще-человѣческаго освобожденія.

Не так ли?

Тогда естественно спрашивается, как приступить к дѣлу и гдѣ найти массу?

На это имѣется обще-принятый отвѣтъ. Раз анархисты не занимаются и не удѣляютъ вниманія политической дѣятельности в капиталистическихъ учрежденіяхъ и в современном строѣ, вообще, а стремятся непосредственно (т. е. прямо) к абсолютной экономической свободѣ и равенству т. е. к коммунизму, от уклада котораго зависитъ будущая политическая форма организациі общества, т. е. Анархія (безвластіе), поэтому то самое лучшее поле дѣятельности для этой цѣли — профессиональныя организациі во всѣхъ странах.

Такимъ образомъ многіе А.-К. приходятъ к выводу, что они должны принимать участіе в профессиональныхъ организацияхъ.

Это, вкратцѣ, мотивы одной стороны. Другая же сторона указываетъ на то, что вопросъ этотъ гораздо серьезнѣе обстоитъ, занимая в анархистическихъ кругахъ очень важное, даже наиболѣе мѣсто.

Уже долгіе годы анархисты дебатируютъ, и толкуютъ по этому вопросу. Одна часть — анархо-синдикалисты — высказывается за вышеизложенное предложеніе участія в профессиональныхъ организацияхъ, другая же часть — антисиндикалисты — стоитъ противъ даннаго предложенія. Каждое изъ

стих двух мнений, и толкований имѣет своих идейных и практических приверженцев и сторонников, но, в общем и целом, этот вопрос для А.-К. стоит открытым, и не рѣшенным, как для противников синдикализма и профессионализма, так и для сторонников синдикализма.

Вопрос этот еще и до сегодняшняго дня все еще висит в пространствѣ, и по всей вѣроятности этот "проклятый" вопрос еще довольно долго будет занимать умы мыслящих рабочих, как видно вплоть до мировой социальной революціи.

И действительно, синдикаты как открытая организация, и детальное движеніе, находятся в крупном противорѣчii с анархизмом. А противорѣчіе это состоит в слѣдующем:

Синдикализм стремится практически, постепенно и реформистски сократить рабочий день, и повысить заработную плату.

Для достиженія этого синдикалисты прибѣгают к стачкам.

Вокруг же профессиональных организаций, всѣми силами своего влияния, стараются или не допустить до забастовки, или же, если послѣдняя объявлена, провести ее мирно и спокойно. Этим лидеры доказывают "своим" членам какія практическіе результаты может привести такая мирная тактика организаций. Одновременно с этим, рабочим внушают идеи, что такой процес экономической борьбы развивает классовое самосознаніе трудящихся масс, и этим способом достигается, в будущем, переход всѣх орудій производства к производителям.

Анархистическая же тактика — стремится посредством агитации и пропаганды и поднятія духовно-культурнаго уровня, вообще, развить в массах бунтарскій дух и подготовить революціонное меньшинство.

Фактически революціонное меньшинство всегда являлось вожаком и руководителем инертной массы — большинства. Во всѣх революціях, во всѣх странах, во всѣ времена человеческой борьбы за свободу.

Анархисты стараются и стараются непосредственно (прямым путем) дѣйствовать и быть руководителем малознательных и пассивных масс, и указывать массам при посредствѣ словесной агитации и личнаго примѣра вѣрный

и прямой путь к **абсолютной**, духовной и экономической свободе.

Уничтожить на своем тернистом пути умственное и физическое рабство, вырвать оное с корнем, развить в массах революционно-бунтарский дух и инициативу — вот задачи анархистов по пути к достижению их цели — коллективного (всеобщего) освобождения человечества. — Другие методы борьбы для революционного анархиста принципиально неприемлемы! Только такие методы, способы и средства борьбы близки душе безгосударственного коммуниста, анти-синдикалиста!.

Сравните теперь основные мысли обеих теорий, и вы сами узрите и убедитесь в том, какая великая и глубокая разница существует между анархизмом и синдикализмом.

Идея анархизма — сама по себе — конкретная цель, определенное мировоззрение, которое содержит научно-философскую и практическую идеологию. Синдикализм же или вообще профессиональные движения являются только как средство к достижению цели. И для той части анархистов, которые относятся критически или отрицательно к синдикализму, это средство далеко не самое лучшее и желанное.

Рабочие синдикаты организуются в открытые легальные организации и ведут открыто свою, так-называемую экономическую борьбу, примиряясь и приспособляясь к формам и рамкам законности существующего государства.

И тут-то напрашиваются сами некоторые вопросы, которые требуют ясного и определенного ответа: Может ли анархист вступать в такие организации? Может ли он там оставаться и продолжать свою деятельность? Может ли он там практиковать анархические методы борьбы?

Существующие профессиональные организации признают, большей частью, системой своего правления принцип централизма, где все диктуется и управляется сверху, а уж это пахнет плесенью государственности и предразсудочности.

Анархисты же признают принципиально, т. е. в теории и на практике, децентрализацию самоуправление снизу и исполнение воли масс, что означает индивидуальную и коллективную свободу и инициативу, это означает абсолютную независимость, автономию каждой личности, каждой группы и

организаций. Последние могут федерироваться и конфедерироваться по своей воле, с кем кто найдет нужным, желанным и возможным, на основании свободных договоров и договорных соглашений. Всякая санкция и контроль должны исходить снизу без всякого давления и принуждения большинства над меньшинством.

Сызнова перед нами встает вопрос, как могут анархисты вступать в такие компромиссные, реформистские, централистические организации.

Тем паче, что таковые очень близки по духу, родственны с парламентаризмом, которого анархисты стремятся посредством борьбы уничтожить в корень, ибо парламентаризм и подобные ему движения парализуют волю и революционное стремление масс и убивает в последних бунтарский дух и свободную инициативу.

Синдикализм гораздо ближе и родственнее анархистам, чем американский тред-юнионизм; и все таки даже революционный синдикализм еще очень далек от анархизма, и анархистическое движение, потеряло и потеряло больше от синдикализма, чем оно извлекло от последнего пользы, потому что анархисты вступившие в синдикаты для идейных целей окунулись в повседневницу — и для анархизма пропали.

Поэтому я теперь спрашиваю могут ли и должны ли анархисты вступать и принимать участие в существующих профессиональных организациях. На этот вопрос необходимо ответить да-или-нет.

Раз навсегда мы должны прийти к заключению и выработать определенное отношение к этому вопросу.

Если наш ответ — “да” — принимать участие в профессиональных организациях, тогда мы должны себя уяснить, и выяснить не противоречит ли это анархическим принципам, если же мы решим не принимать участия, то тогда мы должны всеми силами найти ключ к этой серьезной загадке и тайне.

Как прийти и каким образом подойти к широким трудящимся массам, которые в сущности являются создателями, носителями, творцами и борцами за идею социальной революции.

Мы видим эти массы в профессиональных организациях,

и нас тянет, и толкает туда, где эти компактные массы находятся, и нам кажется, что только там, где находятся эти темные безсознательные массы, там — самое лучшее поле деятельности; там сумеем мы сыграть и проповедывать идеи анархизма. И сама жизнь нас толкает туда своей могучей суровой силой, из-за существующих индустриальных условий современного капиталистического строя.

Но идея анархизма стоит перед нами как гигантская сила заслоняющая дорогу — не пустит нас идти туда. Куда? В профессиональные организации.

Удивительная и странная запутанность такая колоссальная социальная проблема, должна же в конце-концов разрешиться, ведь невозможно и даже быть не может, чтобы теория анархизма, как мирозерцание и мировоззрение общечеловеческого идеала не была в состоянии дать ответ на этот вопрос, заставляя его в целом оставаться всегда висеть в пространстве. Мы ведь не ставим вопрос как часть российских социал-демократов — во время первой русской революции в 1905 году, о милитаризме, что принципиально они против милитаризма, но для революционной тактики они решили опять таки принципиально временно не дезертировать, дабы таким способом вести в армии свою революционную пропаганду среди солдат и матросов.

Я же теперь не поднимаю вопрос, должны ли мы идти в профессиональные организации для использования их как аудиторий для распространения там Анархо-Коммунистических идей.

Но гораздо шире стоит перед нами вопрос, а именно: Наше отношение к профессиональным организациям вообще, как крупному экономическому фактору, который уже имеет громадное значение, и играет крупную роль в общественной жизни? И, главным образом, та роль которую должны сыграть эти все профессиональные или экономические организации в будущем свободном обществе?

На практике синдикалисты стремятся эволюционно, т. е. мирно и постепенно к полному переходу частных орудий производства, в общественное пользование на началах свободы равенства и братства, как основы нового свободного общества.

Эти то цели в сущности очень близки Анархизму. Но

за то пути, средства, методы, тактические приемы борьбы профессионалистов очень чужды и далеки Анархизму.

И на этот сложный вопрос мы должны найти и дать ответ, и лишь только тогда наше отношение к этому вопросу не будет загадкой. Действительно, это очень трудная задача и весьма сложная проблема, но разрешить этот вопрос мы все таки должны.

Рабочие должны принимать участие в профессиональном движении вообще, но главным образом они должны стараться выступать в революционно-экономическія организации, потому что к этому их принуждает капиталистическая система хозяйства, а также и современная форма индустриального развития, так как условия капитализма толкают рабочих вести повседневную борьбу за существование, и это является борьба труда против капитала, т. е. классовая борьба, которая может быть успешна лишь при следующих условиях, если она ведется рабочими непосредственно и революционно.

Теперь пару слов о теории и практикѣ вообще.

Теория и практика суть явления разные, и поэтому и их значение различное.

Когда говорят о теории и практикѣ одновременно, то для массе в общем практика, практичность, и практические результаты гораздо ближе, чѣм разные идеи и теории, которые им сразу непонятны а порой чужды.

Анархисту же (как идейной личности), далеко уже не безразлично, он уж старается практику совместить с теоріей, и сдѣлать из этих 2-х отдѣльных частей одно цѣлое, и согласен этой теоріи и практикѣ, действовать.

Поэтому анархист желая войти в профессиональное движение, должен заранее знать, что он дѣлает этим поступком громадный компромисс с анархизмом, а именно: вступая туда он должен отказаться (фактически он уже этим поступком отказывается) от социально политической части анархизма, а также и от революционной тактики послѣдняго, и остаться только анархистом, и это лишь при том условии, если вообще есть возможность раздѣлять на части теорию и философію анархизма.

И лишь только тогда, когда этот поступок дѣлается сознательно предварительно, все взвѣсив и измѣрив возможно признать, а также принимать участие в профессиональном

движении, оставаясь в тоже самое время не последователем, а лишь приверженцем анархо-коммунистических идей.

Но ни в коем случае, товарищи, не следует связывать успех анархизма с профессиональным движением, ибо они расходятся и противоборствуют друг другу, как в теории так и в практике и тактике.

Я лично сомневаюсь, и очень даже серьезно, в знаниях и силе отдельных нелегальных анархических групп, что они будут в состоянии кооперативными средствами и методами борьбы осуществить и провести социальную революцию (это похоже на идею русских Народовольцев — и французских Бликистов) без помощи организованных трудящихся народных масс.

Но для меня лично еще вопрос, может ли рабочий класс сам один явиться освободителем **всего человечества**, а тем более группы, он наверное не сумеют сами довести до конца социальную революцию, это задача и дело трудящихся масс в общем и целом.

Единственная и важная задача, которая предстоит, это ниже следующее: такие идейные А.-К. группы должны существовать, и продолжать свою полезную работу, и общую деятельность для подготовки побольше идейных работников — для распространения анархических идей, такие анархические группы должны существовать совершенно самостоятельно и отдельно от профессионального движения, эти идейные группы будут в состоянии **в борьбе и во время борьбы организовать массу**.

Однажды один анти-синдикалист в анарх. органе "Бунтарь" выразился следующим образом, положение анарх. гласит: **действуя организуйтесь**.

А положение профессионалистов гласит: **организуйтесь для действия**.

Я, собственно говоря, с таким положением не согласен и в целом такую точку зрения не разделяю, я как раз другого мнения, по моему только сознательные и организованные силы способны предпринять и довести победоносно борьбу против своих классовых врагов.

Не взирая на вышеизложенное, я все таки являюсь сторонником и признаю важность существования вне стѣн профессиональных организаций анархических групп, которые

будут распространять идеи анархизма среди трудящихся масс, и в одно и то же время будут готовить революционное инициативное меньшинство, которое фактически является авангардом мировой социальной революции.

Если анархисты признают в настоящем, практически действовать по возможности по своим убеждениям, тогда опять таки анархисты не могут принимать участия в совместных профессиональных организациях, потому что существующие профессиональные движения централистичны, и всё без исключения практически реформистски и компромиссны. И система управления существующих профессиональных организаций, та называемое демократическое и политическое воспитание масс, там тоже проводится посредством "демократических" комбинаций и в заключительном итоге подлое политическое воспитание способствует восприятию идей государственного социализма, где прививается трудящимся массам понятие о том, что личность ничто, а общества это все.

А ведь все это приведенное идет в разрез с анархистическим коммунизмом, тогда опять таки спрашивается, как могут анархисты принимать участие в таком движении?

Анархисты признают, что освобождение рабочего класса есть дело самих рабочих, а также, что социальную революцию должны, и должны — только массы, т. е. рабочие (но не анархисты сами).

Но так как рабочие массы наряду с развитием капитализма вынуждены организоваться в профессиональные и индустриальные организации, чтобы быть в состоянии и иметь возможность вести повседневную борьбу для защиты своих интересов против своих эксплуататоров предпринимателей, то опять таки выходит, что анархисты, желая подойти поближе к массам, чтобы быть, и жить с ней по указанным выше мотивам, должны войти в эти экономические организации, чтобы не остаться снаружи, вне масс.

Эти то мотивы, товарищи, являются неисчерпаемым источником долгих и серьезных дискуссий об отношении анархизма к профессионализму.

Не принимать участия в профессиональном движении и остаться снаружи, вне их, просто на просто значит обойти, игнорировать, не признавать такой могучий общественный

фактор каковым является профессиональное движение во всех странах.

Цель этих экономических организаций, которая стремится к уничтожению частной собственности, (в области экономики), очень родственна и близка анархизму.

Мы еще должны принять во внимание следующее важное обстоятельство, что, будучи анархистами и работая на фабриках или в какой-либо отрасли промышленности, мы вынуждены принимать участие в повседневной борьбе, которая происходит иногда скрыто, а болыпеею частью явно, но непрерывно между трудом и капиталом.

Успешно бороться могут рабочие лишь только тогда, когда они хорошо организованы и объединены, а не наоборот. (Болыпеею частью они организованы по профессиям или индустриям).

Из этого слѣдует, что местом организации и подготовки для борьбы, является экономическая организация, а естественным средством борьбы — стачка, это главное орудіе рабочих.

Вѣдь в концѣ-концов сами анархисты признают значение единения, солидарности, и организации.

Но мы еще к этому добавляем, что, кромѣ организации и стачки, необходимо развить сознание в необходимости революционной дѣятельности как в каждом отдельном членѣ, так и в подобных организациях вообще.

В этих экономических организациях замѣчается всеобщая тенденція у всех рабочих во всех странах. Как в болѣе цивилизованных и индустриально развитых, так и в менѣе развитых, которые стремятся организовать на профессиональной и индустриальной почвѣ всех рабочих, которые в будущем должны будут перенять, т. е. захватить все орудія производства и частную собственность вообще, и реорганизовать или преобразовать это в ничью собственность, и передать все в общественное пользование.

Как выше сказано, цель и многих экономических организаций очень близка анархизму, но за то пути и средства достижения очень далеки от анархизма.

Принимать участие в существующих экономических организациях для каждаго рабочаго вообще и для анархиста рабочаго также, является порою насущной необходимостью.

которая диктуется самой жизнью и внешними условиями существования. Для идейных и большей частью для практических целей.

Тогда анархисту приходится отказаться от лозунга **дѣйствовать** по словам, а **дѣлом** согласно своим убеждениям, которое служит главным образом предметом пропанды на собраниях, что анархисты поступают так, как они сами считают и проповѣдуют, потому что анархисты вступая в существующія экономическія организаціи, практически отказываются от слѣдующих принципов децентрализма, федерализма и свободнаго соглашения.

Анархист, вступая в существующія экономическія организаціи, становится **демонстратором**, потому что он начинает и вынужден принимать участие в централистическом движеніи, которое практически проводит всѣ свои рѣшенія посредством демократических принципов, т. е. посредством **большинства голосов**, а меньшинство остается неудовлетворенным, а потому как естественное слѣдствіе, недовольным и должно и вынуждено подчиниться желанію и волѣ **большинства**.

Может даже случиться, что в одной из таких организаціи, гдѣ насчитывается до 1.000 членов, был поднят вопрос общаго характера и значенія, и послѣ обсужденія этот вопрос был поставлен на голосованіе, и 501 член данной организаціи высказались за, а 499 членов высказались против.

И в результатѣ выходит, что 499 членов должны безотказно подчиниться и выполнить приказ (который фактически становится законом) "**большинства**".

Такова дисциплина демократизма. Изъ-за одного голоса, т. е. изъ-за одной личности должны и вынуждены страдать 499 личностей, которые имѣют несчастье называться **меньшинство** неволь.

Вдумайтесь теперь, товарищи, сами в этот абсурд "демократизма", который заставляет изъ-за одной личности страдать и страдать цѣлым сотням тысячам личностей!

В лучшем случаѣ, по современному толкованію демократизма, спорные и даже принципиальные вопросы рѣшаются **порожком**, т. е. двумя третями голосов.

Но власть и при этом методъ остается страдать одной грѣхъ членов (личностей) данной организаціи.

Предположим, что организація насчитывает 3.000 членов и при рѣшеніи какого-либо вопроса, за высказалось 2.000, следовательно остальная тысяча членов вынуждена подчиниться большинству.

И вот при таких то условіях и обстоятельствах анархисту придется работать в движеніи, принципы котораго ему незнакомы, чужды и противны, и главным образом расходятся с основными началами анархизма, который противопоставляет демократическому централизму добровольное соединеніе и свободный договор, автономныя и федеративныя начала. Децентрализацию вообще, гдѣ личность может всегда быть независимой и свободной, т. е. не быть подчиненной, и никого не подчинять себѣ.

Но если анархисты должны или вынуждены принимать участіе в профессиональных или вообще экономических организаціях, то это лишь тогда возможно, если они заранее будут знать, что этим шагом они дѣлают громадный компромиссъ с анархизмом, т. е. они этим поступком расчлѣняют ученіе анархизма на двѣ части и отказываются в цѣлом от социально-политической его части, потому что анархисты не признают власть и государство вообще, в какой бы оно формѣ ни было, и также относятся отрицательно ко всякаго рода законодательным учрежденіям, т. е. парламентаризму.

Анархизм не признает подобных "правдивых", учреждений он не признает того, что они являются в настоящем, или могут быть в будущем защитой трудящихся масс. Анархизм так же не признает, что посредством подобных учреждений возможно будет освободить человечество от существующаго социального неравенства, а как раз наоборот. Анархизм признает, учит и доказывает, что государство является не только безполезным, но даже вредным учрежденіем для свободнаго и равнаго общежитія людей, потому что государство создано и существует из-за системы частной собственности, готовая покоиться на насильи и эксплуатациі слабых, бездѣльников.

Государство существует и будет существовать до тѣх

пор, пока существует социальное неравенство — классы бедных и богатых.

Государство служит интересам имущих, богатых классов; только их оно охраняет и защищает и вместе с ними платит, грабит, и обирает трудящиеся и продуктивно создающие массы.

Парламентаризм вреден потому, что он является частью той же самой машины, которая называется государством. Парламентаризм был создан с целью убить в рабочих революционно-бунтарский дух. Рыцари современности строят хотьли повести рабочих на путь медленных и постепенных реформ, чтобы удержать на долгие в безропотном покорном рабствѣ рабочий класс и трудовое крестьянство. А поэтому вполне естественно, что безкомпромиссный анархизм не может согласиться и принимать участие в подобных профессиональных организациях, которые пропитаны насквозь демократическим централизмом и компромиссным реформизмом, которые практически стремятся легально постепенно и мирно получить большую долю прибавочной стоимости, остающейся капиталисту: обманутые и увлеченные уже учением о возможном экономическом освобождении трудящихся масс, не ведя предварительно или одновременно активную борьбу против главного зла — государства, которое фактически является главным оплотом защиты всемогущества горсточки капиталистического класса, даже самые революционные профессиональные и индустриальные организации, как французские, итальянские, испанские, голландские и бельгийские синдикаты, а также и индустриальные рабочие мира в Соединенных Штатах, отрицая политическую борьбу, т. е. парламентаризм, и проповедуя непосредственный (прямой) метод борьбы, и поощряют, попятно, государство и законы, но все таки не ведут активную борьбу против главного зла всех зол государства, а лишь платонически игнорируют государство, объясняя это своим доморощенным знаменитым изречением, что говорить теперь о будущей политической формѣ общества, это философия в плавательныйцѣ (сниту философи).

Анархисты же свою борьбу не раздѣляют и не могут раздѣлить на двѣ или болѣе частей. Для нас социально-политическая часть также не менѣе важна, как и социаль-

но-экономическая часть анархизма. Общ части не делимы они для нас равноцѣнны. Об этом свидѣлствует наш безмерный символическій лозунг "Хлѣб и Воля". Не прежде хлѣб, а потомъ воля, и не прежде воля, а потомъ хлѣб: но одно и другое намъ необходимо одновременно, какъ воздухъ живому существу.

Почему же во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ эта тема является неисчерпаемымъ источникомъ постоянныхъ дискуссій? Почему, вопросъ объ отношеніяхъ анархистовъ къ профессиональному движенію является повсюду вѣчно животрепещущимъ вопросомъ порядка дня, какъ въ Германіи и Австріи къ заводскимъ союзамъ ("Геверкенайтен"); такъ и въ романскихъ странахъ, во Франціи, Италіи и Испаніи къ революціонному Синдикализму? Почему этотъ вопросъ равно важенъ и по отношенію къ трѣд-юніонамъ и Индустріальнымъ Рабочимъ Міра, въ Англіи и Америкѣ, какъ и по отношенію къ русскому профессиональному движенію и всѣмъ экономическимъ организациямъ вообще? Это потому, что всѣ вышеупомянутыя органы рабочаго движенія поставили своей главной, перво-степенной задачей удовлетвореніе животныхъ или вѣрнѣе желудочныхъ потребностей или, какъ это принято называть на научно-литературномъ языкѣ, "матеріальный" или "экономическій" вопросъ.

Методомъ достиженія сей цѣли они намѣтили общій планъ съ большими или меньшими измѣненіями, который присущъ каждой странѣ, въ отдѣльности, путями и средствами.

Первая общая задача этихъ движеній вести борьбу за частичное улучшеніе въ настоящемъ. Ихъ вторая задача полное экономическое освобожденіе въ будущемъ.

Способы борьбы этихъ движеній въ упомянутыхъ странахъ различны. Напримѣръ: въ романскихъ странахъ революціонныя синдикаты "въ теоріи" игнорируютъ государство.

Тоже самое практикуютъ Индустріальные Рабочіе Міра въ Англіи и сѣверной Америкѣ.

Такую тактику они восприняли на томъ основаніи, что они не признаютъ политической борьбы, а взамѣнъ послѣдней они предпочитаютъ непосредственную (прямую) борьбу; поэтому то они и игнорируютъ государство.

Понятная формулировка очень ошибочна. Но развѣ бороться противъ существованія государства вообще значитъ

отказаться от непосредственной борьбы, и воспринять тактику политической борьбы? Ведь под понятием тактики политической борьбы подразумевается выборы, урна, депутаты, парламентаризм и т. д.

Не участие принимать и поддерживать должны мы государство и различные государственные учреждения, не игнорировать мы должны государство, а бороться против него.

Мы должны готовить умы трудящихся масс к этой неизбежной и великой задаче.

В Германии и Австрии профессиональные союзы больше умфрены по своим тенденциям, из-за искусственно выдвинутой буржуазным классом психологией любви к законности, порядку и дисциплине в трудящихся массах, и они стремятся через государство, посредством законодательных палат, провести такие законы, которые бы им облегчили и по возможности обезбечили материальное положение. То же самое практикуют тред-юнионы в Соединенных Штатах С. Ш. и Англии.

Из этого видно, что эти два течения в профессиональном движении разнятся лишь только в том, что одно течение старается влиять на государство и законодательные учреждения дабы в их интересах были проведены больше частично облегчительные законы, и влияют они на эти учреждения своим правом голоса при выборах (и часто остаются обманутыми). Лишь в исключительных и больше серьезных случаях они прибегают к забастовке, но только лишь **цеховой**, и то она должна быть мирной и законной, (ибо германская С. Д. партия, под чьим влиянием находятся профессиональные союзы, не признают генеральной забастовки; так не крайней мерой это было до последней германской революции).

Что же касается формы и принципа правления германских и австрийских профессиональных союзов, то говорить о том, что он централистический не приходится — это всем известно.

Второе же течение, синдикалистическое, то оно, как нам это уже известно, государство, законодательные палаты, т. е. парламентаризм игнорируют также как и Индустриалисты в Англии и Америке.

Средства борьбы синдикалистов уже больше револю-

ионий; они уж признают генеральную забастовку, как главное орудіе борьбы рабочаго класса против капитализма. синдикалисты признают также одиночное и массовое непосредственное революціонное дѣйствіе, и практикуют порою, гдѣ необходимо, даже саботаж во время экономических забастовок. Основы же их политическаго правленія должны быть по теоріи децентралистическими.

Как видите стремленія обѣих теченій профессиональнаго движенія, не занимаются и не уделяют вниманія непосредственной борьбѣ против государства, а ограничиваются на практикѣ лишь законно реформистским улучшеніем своего экономическаго положенія в настоящем.

В этом то и заключается вся серьезность и трудность данной проблемы — об отношеніи А.-К. к профессионализму. Как к болѣе революціонным теченіям так и тѣм паче к болѣе умѣренным.

Анархизм, кака философія так и теорія его, сам по себѣ и в своей сути болѣе идеалистичен, чѣм материалистичен. Анархизм не объясняет вѣсь явленій жизни, как общественнои и личной, утвержденіем, что вѣсь явленія этой жизни, вѣсь ея фазы, суть результаты исключительно вѣщих условій жизни, желѣзных законов природы; и что и личность и общество зависят от экономических условій, или от степени развитія бездушных орудій производства. Это краткое толкованіе материалистическаго пониманія исторіи или марксизма. Анархизм, впротвѣлопложность марксистскому ученію, объясняет исторію человечества с субъективной точки зрѣнія, а не объективной. Анархизм утверждает, что человек не слѣбое орудіе общества или природы, а основной его элемент; его единственный и главный фактор; не орудія производства и машины объясняют нам человека — но как раз наоборот, только человек является главным, единственным и активным творцом жизни; **личность, человек, создает орудія производства, борется и подчиняет себѣ природу.**

Человек создал вѣсь существующіи учрежденія, и опять таки человек стремится к пересозданію этих же учреждений с цѣлю достиженія свободы.

Все, что нас на землѣ окружает под небесами жизни есть, плоть и продукт умственнаго и физическаго труда чело-

рства, это есть не покорный человеческому творчеству.

Анархизм не отрицает значения и влияния природы и материи на человеческое общество, но не признает материи как сущностного фактора и главного двигателя общественного прогресса. Анархизм уделяет еще больше внимания человеческому творчеству, разуму и воле. Анархизм основан не на материалистическом понимании истории, а на **идеалистическом**, потому что главная суть идеи анархизма — свобода.

Духовная интеллектуальная степень развития человечества, как отдельной личности, так и общества вообще, является для анархизма главным в высшей степени самым существенным вопросом.

Во первых анархизм стремится к полной независимости личности и максимальной свободе общества в политической сфере, и одновременно к экономическому равенству.

Эти факты между собой так тесно связаны, что осуществление одного без другого не возможно.

Для свободной личности в равной пропорции необходимы, как экономическая, так и политическая свобода. Но вышеприведенным мотивам, анархизм не может приурочиться и приспособиться к одному из вышеуказанных профессиональных течений и не может определить своего отношения к ним, потому что идейное содержание данных профессиональных организаций есть поверхностное и одностороннее.

Одно из этих течений умеренное, старается примириться и слиться с государством и посредством государства добивается своего освобождения. Другая часть более революционная, государство совершенно игнорирует. На практике их объединяет одна цель — улучшить свое материальное положение в настоящем, и вполне освободиться от экономического гнета лишь в будущем: тут фактически отсутствует воспитание и подготовка к социальной революции, тут свобода пахнет предвдвинутой С.-Д. программой минимума и максимума.

Анархизм отрицает станы и фазы минимума и максимума, экономическое частичное улучшение в настоящем и полное в будущем или полное экономическое освобождение, оставив государство в стороне. Анархизм ведет свою борьбу

бу на двух фронтах, одновременно против власти капитала и против власти государства. Анархизм не видит и не находит возможным разделить данную борьбу на две части. Анархизм безкомпромиссен, как к существованию системы частной собственности, так и к существованию государственной власти.

А. К. не признает отдельных политических революций — таких, как и отдельных экономических революций, но одно и другое одновременно. По выражению Кропоткина, “это синтез двух целей, преследовавшихся человечеством во все времена — свободы экономической и свободы политической”.

В другом месте Кропоткин также говорит: “нельзя разрушить теперешнюю форму собственности, не введя вместе с тем и нового строя политической жизни”.

По этим причинам А. коммунизм является идеологией противоположной государственному коллективизму, (или как это принято выражаться государственному социализму. А теперь уже пошла в моду новая фраза “государственный коммунизм”), который тоже стремится к уничтожению классов, но при этом, и частной собственности, но взамен они ставят государственную собственность, т. е. национализацию, строй, который неминуемо ведет к созданию новой власти, нового класса чиновников, лозунгом которых является “от каждого по его способностям и каждому продукт его труда”.

Кто же будет изобрать и взвешивать “продукт труда каждого”? Ответ простой — новый класс социалистических чиновников. Какой же это коммунизм? Ведь значение и суть коммунизма гласит “от каждого по способностям, а каждому по потребностям”, т. е. полная свобода.

Ответ и тут простой: это коммунизм государственный, а потому и не-свободный. Социалисты государственные ставят над собою принцип централизации и власть человека над человеком или еще лучше выборное меньшинство, как отдельные комисариаты (министерство) или совет комиссаров (кабинет министров), которые распоряжаются своей властью над громадным большинством народа, который должен безпрекословно подчиняться и выполнять приказ закона, в противном случае его ждет социа-

либеральский городской или урядовый урядовский судья и суд, социалистическая тюрьма и в том всё достоинствительности — этого стар Николайничны и это практикуется социалистами-революционерами, не как временная мера против капиталистов и буржуазии во время революции, но не как основы социалистического государства для контр-революционеров и буржуазии, не бы

Быть может найдутся и в будущем время, которые не будут согласны и будут бороться против социалистического государства за свободное общество — но быть, и не будет государства, и не будет являться мир анархистов, это для подобных революционных тарей останутся судьи и наказания.

Для нас это уже установленная истина, существует закон — там свободы нет и быть не может, государство. Потому нас учили и тем показывали.

Поэтому существующий профессионализм, профессионализм и чужды анархизму, что объективизма в целом заинтересованы в существовании социально-экономическому освобождению в теории, они занимаются мизерными крохотными Реформами же эксплуататоры продолжают их, а они пассивно увлечены, подымают удовольствие, а иногда и с удовольствием.

Социально политическое зло — государство, профессионалистов "игнорирует", а другие идут к нему.

Таким образом фактически они склоняются к цели, — полного, всеобщего, всеобщего, а с другой стороны, профессионализма на практике главное средство воспитания, борьбы — революции в сторону.

Вся же анархизма воспринимает и признает, что единичные меры и установления в социальном, экономическом, коммунизм, который означает полное, экономическое и духовное освобождение личности.

Главный допуск анархизма, — "каждому по своему и каждому по потребности".

тественным человеческимкладом жизни, коренится великодушнѣе и глубина анархическаго коммунизма, который стремится к свободному автономному и федеративному обществу всего человечества.

Принимая во вниманіе все аргументы и мотивы, и все то, что было сказано в предыдущих главах, то для каждаго, бодѣе или менѣе вдумчиваго читателя, станет ясным, почему анархисты-коммунисты так страстно дебатируютъ вопросъ о ихъ отношеніи к синдикализму вообще, и, в цѣломъ, не могутъ прийти к общему и окончательному заключенію.

Это просто потому, что нельзя связать судьбу Анархизма с профессиональнымъ движеніемъ.

Потому, что современный профессионализмъ в своей глубинѣ не содержитъ ничего анархическаго, онъ одностороненъ и грубо матеріалистиченъ.

Поэтому я и стараюсь доказать, что тѣ анархисты, которые рѣшаются вступить въ существующія профессиональныя движенія — должны сдѣлать болѣе или менѣе компромисс и отказаться отъ социальнo-политической части анархизма.

Франція была первой страной, которая доказала міру какъ и какимъ образомъ можно избавиться отъ божьихъ помазанниковъ — абсолютныхъ монарховъ, и ввести конституціонно-демократическій образъ правленія, но главная заслуга великой французской революціи состоитъ въ томъ, что она совершила переворотъ не только внѣшній, но главнымъ образомъ внутренній, въ психологіи (умахъ) трудящихся массъ всего міра.

Рабочіе и крестьяне сами убѣдились, что сознаніе, сила и воля народа могутъ, во время бури, творить чудеса.

Анархизмъ идетъ еще дальше, и говоритъ слѣдующее, что не только замѣнить должны мы политическій строй какимъ бы онъ ни былъ: монархическимъ, конституціоннымъ, республиканскимъ, демократическимъ, или даже социалистическимъ, но **уничтожить мы должны все эти формы государства**, такъ какъ они являются всегда вреднымъ для человеческой свободы, ибо тамъ, гдѣ существуетъ или создается какая-либо государственная форма, тамъ должны быть подданные. Одной изъ главныхъ задачъ анархизма, поэтому является непрерывно бороться противъ культа, государственности и стремиться къ его коренному уничтоженію.

Анархизмъ стремится къ всесторонней и максимальной

свободу для человечества, и поэтому для анархистов борьба против **капитала и власти** недвигима; и только тогда, когда оба пароста будут удалены с общественного тѣла; когда они оба будут сметены с лица земли, — лишь наступит полное **равенство и свобода**.

Следовательно, социально-политическая часть анархизма — самая значительная и важная. Во всяком случае, она не менее важна, чѣм социально-экономическая часть анархизма, потому, что социально-политическая часть анархизма направляет свою силу и сознание на уничтожение главного и дѣйствующаго врага человечества — государства, и государственность вообще.

Государство подавляет всякую попытку протеста подданных, всякую попытку к освобождению трудящихся масс.

Поэтому то для всякаго анархиста, который хочет вступить в профессиональное движение для улучшения своего экономического положенія в настоящем, и оставаясь полное освобождение от материальных невзгод на будущее, и который не стремится сразу к максимальному освобождению и игнорирует государство, и не направляет свои познания и всю свою силу к уничтоженію государства одновременно с системой частной собственности; такой анархист вступив в профессиональное движение, фактически уходит на путь реформ. Он практически отказывается от средства максимальной свободы, т. е. от социальной революціи, ибо он принимает участіе в движении, которое на практикѣ проникнуто реформизмом, демократизмом и централизацией.

Если кто либо думал прежде, а быть может и некоторые еще думают и теперь, что анархист вступив в любое профессиональное движение может там **свердлить** (критиковать и революционизировать) внутри, тѣ ошибаются.

Анархисты в профессиональных движениях **растворяются, правѣют**, ибо таковы условія повседневности — профессионализма. Анархисты вступают в различные центральные комитеты и совѣты, косятъ и превращаются в начальников-вождей и очень часто ведут даже различные переговоры с отдельными министерствами или с государством. Так, например, во Франціи был проведен 10-часовой рабочий день, (который еще и понынѣ существует в большинствѣ предпріятій, и в субботу там работают цѣлый

день, ибо рабочий должен заработать 60 часов в неделю, а заработная плата в 1911 г. была 10 франков в день (2 т. 50 с.), и этой односторонней победой добились — револ. синдикалисты во главе которых находились такие выдающиеся анархисты, как Малато, Жю и Ж. Пиво.

Последний два еще и сейчас находятся во главе французской генеральной федерации труда, и что толку из этого? Гибель анархизма? Вы его днем с огнем не найдете. До своего вступления в профессиональное движение, они были самые искренние и последовательные анархисты.

Здесь, в Соединенных Штатах подобное — с Фостером, который был всем известен, как анархист, потом он пошел по наклонной плоскости, и стал синдикалистом, и став на скользкий путь он естественно скатился ниже, теперь он уже является вождем Американской Федерации Труда, в сталелитейной промышленности, в Питтсбурге. Можно было бы привести целый ряд подобных примеров. На этого видно, и следует, что анархист, вступив в существующий профессиональный движение, фактически отказывается от социально-политической части анархизма, и совершает этим громадный компромисс по отношению к анархическим принципам и анархической идее вообще.

Как томимые жаждой странники, наши мы знаем пустыни, увидев внезапно падали ключевую воду, многие анархисты обрадовались при создании французских революционных синдикатов.

Это явление объясняется следующим обстоятельством.

Во-первых анархисты усмотрели в этом новом явлении — французском синдикализме — новое движение, на чисто экономической почве, которое не будет вмешиваться и заниматься политикой существующего государства, — будут игнорировать парламентаризм.

Это анархистам казалось большим и крупным поворотом к праву, ибо такое движение гораздо ближе к анархизму, чем к государственному социализму. Последнее же течение стремится осуществить свою программу, т. е. раньше всего захватить в свои руки наследие буржуазии — политическую власть, а потом лишь выйти за практическое проведение программы максимум, т. е. государственного коллективизма или социализма. Понимая в таком свете это

после войны: анархисты стали идеализировать синдикаты, как единственную организационную силу, которая на "старта" после социальной революции, управляет частною собственностью на орудия производства, и провозглашает свободное общество.

Приступая к организации потребления и производства на началах свободы и равенства.

Несколько времени, доводило большую часть анархистов (и даже сейчас) показывало, что синдикаты не занимают политической, а ведут свою борьбу лишь на чисто экономическом поприще, игнорируя государство. Им казалось, что это является большим плюсом для анархизма и многия торопились воспользоваться связью судьбы анархизма с этой новой формой синдикализма.

Но после нескольких десятков лет практической работы анархисты стали трезвее и внимательнее смотреть на синдикаты, которые она принесла за время своего существования. В итоге получились нуль. Тогда анархисты (и даже поныне) убедились, что она горько ошиблась, предполагая блестящее будущее синдикализму. Причиной тому было то, что синдикализм является открытой и легальной организацией, а это для анархистов, далеко не оптимальное явление, и не имеет никакой революционной ценности, так как легальная организация контролируется государством и поэтому фактически не имеет возможности примечать свою непосредственную революционную деятельность, которую синдикализм себе начертил как средство борьбы, а мнение синдикалистов против наемных капиталистов. Такие общества могут лишь практиковать нелегальные организации, но отнюдь не открытые.

Второе, в чем анархисты убедились, это в том, что фактически синдикализм на практике уходит на путь реформ и путь частных улучшений, а главное средство — социальная революция — остается фактически мертвой буквой на бумаге и в уставах. Действительно за последние годы (с начала Первой мировой войны), синдикализм ничего в этом направлении не делал и даже не занимался пропагандой за социальную революцию, вступив на путь фактического реформизма. Он заснул бранным и сладким сном в пошло-мещанском благополучии...

Тем не менее, в чем анархисты убедились и увидели свою ошибку — это в том, что синдикалисты **игнорируют** государство и не ведут никакой активной борьбы против последнего.

Убедившись во всех выше изложенных ошибках и недостатках революционного синдикализма, многие анархисты отказались от него и перестали связывать судьбу анархизма с синдикализмом, который практически стремится только лишь к сужению одностороннему материальному благосостоянию, а государство, как главное зло со всеми его вредными учреждениями, как то, милитаризм, полиция, судья и тюрьмы, профсоюзализм оставил в стороне — в покое, как будто государство не является одной из тех причин, плачевно-вынужденных последствий существующего рабства и социального капиталистического строя. Принимая все это во внимание, никто не должен и не может удивляться, почему анархисты не могут понимать участия в существующих профессиональных движениях.

Мне бы еще желательно было спросить у сторонников профсоюзализма следующие пару вопросов: — является ли анархо-коммунистический идеал общечеловеческим, или только рабочим классом? Если же идея анархо-коммунизма общечеловеческая, то почему **рабочий класс** и только он должен совершить социальную революцию, и этим актом отрицательности и идеализма освободить себя и все человечество?

Правая вещь!

Настоящий библейский Мессия!

В то же самое время сами анархо-синдикалисты твердят везде и всюду, что масса козна инертна, слепая, индифферентна и пассивна (такія выражения и определения массы я читал в "Г. Тр." в ст. анархо-синдикалиста Воллина, перед отъездом в Россию). Это заявление синдикалистов о массе, что она относится ко всему окружающему равнодушием и безразличием, даже с рабской покорностью, проливая слезы и все и падая сами не зная на кого. Если это факт, если масса в своем подавляющем большинстве не поддается, то как может рабочий класс — (синдикалы) и только он совершить социальную революцию, и освободить себя и все человечество?

Тут-то мнѣ желательнѣе сказать: а слова-то не дѣла-
тели!

Гдѣ же дѣлать много-милліонное крестьянство. Ра-
ботѣ имъ не приходится считаться. Это что, незамѣтиса
величина. Сидишечная головка? Вѣдь во всѣхъ странах
крестьянъ больше чѣмъ рабочихъ, вѣдь женщины в Россіи, Ру-
мыніи и Болгаріи. Кто-же ихъ освободитъ, если не сами со-
ба? Неужели тѣ же рабоче?

Но вѣдь то и бурж!

Гдѣ же остальные части и слои общества, кромѣ крестья-
нства? Какъ дѣлать науки, артисты, писатели и т. д., раба-
въ и ихъ рабочий классъ освободит? Вѣдь многія изъ слоевъ
интеллигенціи, подталкиваемые внутренними психологиче-
скими и идейными порывами, стремятся къ максимальному
дух-ственному и физическому освобожденію неменѣе обездо-
ленныхъ рабочихъ.

Примѣромъ можетъ послужить слѣдующій фактъ, всѣ ре-
волюционеры и анархисты этотъ взглядъ раздѣляютъ, что рабоче,
толканные голодомъ, холодомъ, вѣчнымъ изнуреніемъ и страда-
ніями своего мученическаго положенія всегда недовольны и
решнутъ, и поэтому бессознательно-инстинктивно стреми-
тся къ освобожденію. По этому-то масса в своемъ громадномъ
большинствѣ — революціонна, но не идеалистична. Это
явленіе понятно является слѣдствіемъ современнаго социаль-
наго неравенства, хотя это очень печально, о это фактъ. Но
такъ какъ большинство рабочихъ и крестьянъ не проникнуты ра-
циональными идеями нашего вѣка, поэтому рабочий классъ
какъ единица не можетъ освободить всего человѣчества, но че-
ловѣчество должно само себя освободить, в томъ числѣ, понят-
но, и рабочий классъ.

Я хочу иллюстрировать еще одинъ любопытный фактъ,
что не всегда в исторіи развитія общества, главными толч-
ками къ всеобщей борьбѣ за освобожденіе и независимости
личности, служатъ только матеріальныя причины. Вотъ на-
примѣръ: в первой половинѣ 19-го столѣтія, в Россіи суще-
ствовала партія "Декабристовъ" и члены этой партіи были
исключительно изъ класса имущихъ. Всѣ они были сыты,
обуты, одѣты, образованы и матеріально обезпечены; вне-
редъ ихъ ожидала сама блестящая карьера — и не смотря на
это, ихъ совѣсть мучила, они не могли быть спокойными, ког

но рождает парит также тьма, нищета и страдание. Они должны, что их обращение, доводство и безнечность достигнуты их предками на счет нищеты и рабства крестьян и, познав это, они беснели свое доводство, роскошь и карьеру и ринулись на борьбу с существовавшим строем и несправедливостью для завоевания счастья и блага для всего народа. Это также была ошибка с их стороны, потому что не одна группа или партия не может освободить народ: только лишь сам народ может себя освободить).

Наша партия, своим доводом знает, что не только материальное, но и духовное создание, движется вперед со всем существующим строем, но и идеи или прощел доверие, дух, интеллект, которые находятся внутри нас.

Анархизм не отрицает ни идеи материальной, ни наоборот, потому что оба эти явления естественны и живут совместно в единой природе человека. Точно как в общественном мире материальное и духовное взаимодействуют и эволюция и революция, и первое не может быть без второй, и вторая — без первой. Оба эти явления вместе составляют действительность и поддерживают друг друга, отчего и получается естественная гармония.

Из всего изложенного я делаю следующий вывод: винить то, что освободить человечество от материального и духовного рабства может само все человечество, а не только рабочий класс; ввиду того, что анархо-коммунистический идеал не только приемлем для рабочих, но и для всего человечества, поэтому рабочие как класс обобщенных и эксплуатируемых, может и должен организоваться самкритично, и своими общими силами действовать солидарно и совместно со всеми теми крайними и радикальными элементами, которые стремятся к полному освобождению и равенству всех людей, и тем рабоче.

Мы не должны игнорировать и бояться трудовой интеллигенции, которая не пользуется наемным трудом, потому что мы не стремимся к захвату политической власти (как социал-демократы-революционеры), мы стремимся к уничтожению всякой формы власти, и поэтому для нас интеллигенция революционна и необходима, руководить и управлять нами они не смогут, так как кроме пользы они нам несут ничего не могут, и этим самым, отменяется наш довод от марксистов.

их лозунги: "Продетарии всех стран соединитесь"; а
и лозунги: "Трудящиеся массы всего мира возстаньте про-
тив власти и капитала!".

И поставил своей задачей исследование, анализирова-
ние и выяснение причин, почему анархо-коммунисты без-
различно дебатировали вопрос об отношении к профессиональ-
ным движениям и никак не могут прийти к какому либо об-
щему выводу и соглашению.

Мне больше, ли меньше удалось найти ключ к разрешению
этой столь трудной задачи, а именно:

Во первых, когда анархист принимает участие в цент-
ралистической организации, то уже этим одним он изменяет
своим анархистским принципам, ибо он фактич. превраща-
ется в демократа.

Во вторых, анархист вступив в легальную, законом
разрешенную организацию, которая стремится посредством
реформ к своей цели, он фактически не может проводить
свою революционную тактику потому, что деятельность этих
союзов контролируется государством.

Таким образом, анархисту в такой организации факти-
чески приходится отказаться от его революционности.

В третьих, профессиональные организации ведут свою
борьбу только на экономической почве, а в политическую
не вмешиваются, и политикой не занимаются, а поэтому **иг-
норируют государство.**

А развѣ это, последнее, не является главной бессмыс-
ленной синдикалистов-индустриалистов и т. д.?

Борьба против системы частной собственности и стре-
миться к экономическому освобождению, и в одно и то же
время игнорировать государство, которое является вечным
спутником и тѣло-хранителем системы частной собствен-
ности; стремиться к экономическому освобождению, и наряду
с этим оставлять государство в покое — игнорировать его,
является таким же абсурдом, как и требования и стремления
социалистов-государственников прежде всего захватить по-
литическую власть государства, а потом лишь повести борь-
бу за экономическое освобождение.

Анархисты не могут согласиться ни с первым, ни со
вторым положением, так как анархисты стремятся не к зах-
вату политической власти, а к коренному уничтожению са-

мого зловереднаго учреждения — государства, с цѣлью все-сторонней свободы человѣческаго общества.

Причиной такого стремленія анархистов является то, что для анархистов система частной собственности и всякой формы собственности и государства — не два отдѣльных явленія, которыя можно раздѣлить, а одно. Поэтому А.-К. стремятся къ уничтоженію всякой формы государства и всякой формы собственности. Оба эти учреждения и система должны быть стерты с лица земли одновременно.

Профессиональное движеніе также стремится сократить рабочий день и повысить заработную плату посредством забастовок. Большинство членов (если не все) не замѣчают или не вдумываются в то, что тѣ гроши, которыя они выигрывают забастовками, косвенно и прямо падают обратно тяжелым бременем на их же собственные плечи, потому что современное капиталистическое общество контролирует не только производство, но и потребление, а потому они при забастовках рабочих, одной рукой им дают как производителям, а другой рукой отнимают у них, как потребителей, и очень часто еще больше, чѣм им набавили. Это опять таки потому, что рабочіе организованы в профессиональные союзы только лишь как производители, но не как потребители, так что тресты капиталистов дѣлают с рабочими, что им хочется: они произвольно набавляют на предметы первой необходимости, на жизненные припасы, на одежду, обувь, квартиру и т. д.; и в сущности такія забастовки за частичное улучшение не приносят только пользы, сколько это многим кажется. Порою, подобныя мелкія забастовки приносят даже вред.

Вот на примѣр статистика за послѣднія пять лѣтъ, показывает, что в среднем заработная плата повысилась на 50 процентов, а торговая нац. на предметы первой необходимости по выш. цѣнѣ на 100 процентов.

Из этого общаго явленія анархисты и заключают, что не забастовки за частичное улучшение, облегчат или освободят рабочих от социально-экономической несправедливости и эксплуатации. Единственное и самое лучшее средство, которое может избавить трудящіяся массы от нищеты и слез — это **Соціальная Революція**. Только этим средством человечество с"умѣет освободиться от своих стальных

и политического и экономического неравенства. Но эта борьба должна быть направлена не только против власти капитала, но одновременно и против власти государства и государственности вообще.

Такого рода борьба не может вестись в открытых, легальных организациях, а лишь посредством нелегальных, конспиративных союзов, проникнутых одним идейным стремлением и волей.

Идея эта — Анархический Коммунизм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Что же касается тех анархистов, которые являются по своему убеждению, характеру и темпераменту крайне — безкомпромиссными, последовательными и преданными догматизму, что **“освобождение рабочих — есть дело самих рабочих”** и что социальную революцию должны совершить трудящиеся массы силой, самостоятельно и непосредственно, а также, что организованному и интернациональному капитализму необходимо противопоставить организованную силу — трудящиеся массы, то таким анархо-коммунистам остается найти другие пути средства, как подойти к трудящимся массам, чтобы создать новый тип массовой анархической организации, которая бы занялась активной борьбой на оба фронта: против капитала и власти.

Единственным путем к практическому разрыву этой задачи по моему, слѣдующий: необходимо организовать анархо-коммунистическія группы, в каждой мастерской, в каждой фабрике, на каждом заводе, во всех профессіях и индустріях. Такія анархо-коммунистическія группы должны, по своей революціонной дѣятельности, быть нелегальными, группы не должны быть крупными и члены в эти группы должны приниматься очень осторожно, во избежаніи провокаціи. На каждом заводе, фабрике и мастерской, эти группы должны федерироваться, а отдѣльные заводы, фабрики и мастерскія должны конфедерироваться для общих дѣйствій и выступленій. Главная задача этих групп должна состоять в революціонной подготовкѣ сотоварищей по профессіи, и главным образом пропагандировать всеобщую стачку — в Соціальную Революцію, как единственное сред-

ство к максимальному равенству и общему освобождению от гнета власти и капитала. Необходимо, чтобы такія группы были созданы и в деревнях. Такія группы будут воспитывать и подготавливать революціонное меньшинство, которое и явится авангардом социальной революціи.

Идеал для такого движенія имѣется, это — анархическій коммунизм. Остается только создать этот новый типъ организации, фактически новое движеніе. Эта одна из главных задач, которую предстоит анархистам разрѣшить и исполнить. Это новое движеніе должно быть партійное, одного идейнаго стремленія, чисто анархическаго, а не безпартійное, как синдикаты, трэд-юніоны и т. д., в которыя входят люди разныхъ стремленій и теченій и гдѣ каждый тянет в свою сторону. Такое разношерстiе и смѣсь только мѣшают и тормозятъ общую работу. В безпартійныхъ организацияхъ гармонія не возможна, а для насъ **качество** должно быть важнѣе **количества**.

На этой почвѣ необходимо, чтобы анархисты занялись агитаціей и пропагандой; необходимо также для этой цѣли издать соответствующую литературу. Такой типъ организации можетъ быть безкомпромиссенъ и соответствовать идеѣ анархическаго коммунизма. Только такой типъ организации можетъ приблизить социальную революцію, — и увѣнчать борьбу успѣхомъ. Фактически, подобный типъ организации созданъ россійской революціонной дѣятельностью, какъ самостоятельныхъ организаций.

Нѣкоторые задаютъ слѣдующій вопросъ: —

“Какая организованная сила возьметъ на себя организацию потребленія и производства на “завтра”, послѣ социальной революціи?”

На это можетъ быть данъ лишь одинъ отвѣтъ, необходимо будетъ повторить философскую фразу Бакунина: “Дух разрушающій — есть и дух созидающій”.

Это значитъ, что та сила, которая будетъ обладать сознаниемъ и возможностью разрушать, все старое, прогнившее, испорченное, вредное и лишнее, в старомъ отжившемъ поряд-

къ, как то: юридическія, религіозныя, политическія, частныя и государственныя учрежденія, эта же самая сознательная, обновленная молодая сила будет в состояніи создать, построить и организовать будущее общество, на новых, свободных началах, на началах анархического коммунизма.

Перевал.

